

М. В. Шумилин

РИМСКАЯ САТИРА И ИДЕЯ «МЕТРИЗАЦИИ» ТЕКСТА В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТЕОРИИ

Резюме. Высказываемая Горацием в Sat. 1.4.39–62 идея, что комедия и сатира – это не поэзия, связана с эллинистической (возможно, перипатетической) теорией, стоящей за оппозицией *fabula-historia-argumentum*: в этой теории комедия занимает промежуточное место между поэзией и не поэзией. В соответствии с этой теорией, римские сатирики (возможно, начиная уже с Луцилия) мыслят свою деятельность как «просто метризацию» реальности как таковой.

Ключевые слова: сатира, Гораций, литературная теория, перипатетики, реализм, «божественное», Луцилий.

В Sat. 1.4.39–62 Гораций утверждает, что он не поэт, потому что неясно (1.4.45–46: *quidam...quaesivere* «некоторые высказывали сомнения»), является ли комедия (а Гораций считает сатирику вариацией на тему жанра комедии) поэмой, ведь комедия – это простая речь, только метризованныя (1.4.47–48: *nisi quod pede certo / differt sermoni, sermo merus*), и в ней нет «ни пылкого духа, ни мощи» (1.4.46: *acer spiritus ac vis*). Далее поясняется, что, если взять строки Энния (Ann. 225–226 Skutsch) *postquam Discordia taetra / belli ferratos postis portasque refregit* «когда ужасный Раздор вломился в железные врата войны» и устраниТЬ из них размер, переставив слова (1.4.57–59), то все равно получатся «части тела поэта, хоть и расчлененного», в отличие от сатир Горация и Луцилия.

primum ego me illorum, dederim quibus esse poetis,	
excerbam numero: neque enim concludere versum	40
dixeris esse satis, neque, si qui scribat uti nos	
sermoni propiora, putas hunc esse poetam.	
ingenium cui sit, cui mens divinior atque os	
magna sonaturum, des nominis huius honorem.	
idcirco quidam, comoedia necne poema	45
esset, quaesivere, quod acer spiritus ac vis	
nec verbis, nec rebus inest, nisi quod pede certo	
differt sermoni, sermo merus. ‘at pater ardens	
saevit, quod meretrice nepos insanus amica	
filius uxorem grandi cum dote recuset,	
ebrius et, magnum quod dedecus, ambulet ante	50
noctem cum facibus.’ numqui Pomponius istis	
audiret leviora, pater si viveret? ergo	
non satis est puris versum perscribere verbis,	

quem si dissolvas, quivis stomachetur eodem, 55
 quo personatus pacto pater. his, ego quae nunc,
 olim quae scripsit Lucilius, eripias si
 tempora certa modosque, et quod prius ordine verbum est,
 posterius facias, praeponens ultima primis,
 non, ut si solvas ‘postquam Discordia taetra 60
 belli ferratos postis portasque refregit’,
 invenias etiam disiecti membra poetae.

Кто же такие эти «некоторые» и о какой литературно-теоретической идее идет речь?

Обычно считается, что речь просто о «низком стиле» сатиры (напр., Brink 1963: 162–163; ссылаются на Cic. Ог. 67, где сообщается о мнении «некоторых» (*nonnulli*), что Демокрита и Платона из-за их воодушевленности и отбора слов, *quod incitatius feratur et clarissimis verborum luminibus utatur*, следует считать в большей степени поэтами, чем комедиографов, которые пишут совсем как повседневную речь, только метризованную, *nisi quod versiculi sunt, nihil est aliud cotidiani dissimile sermonis*). Мы, однако, хотели бы указать на другие параллели, позволяющие, на наш взгляд, реконструировать более широкий контекст утверждения Горация.

Содержание пассажа Горация, как кажется, образует содержательные переклички с критикой Лукана в «Сатириконе» Петрония, 118¹, проясняемой параллельными текстами: у Петрония тоже подразумевается, что Лукан – не поэт, поскольку просто метризует историю, «то, что было» (*non enim res gestae versibus comprehendendae sunt*), и что недостаточно просто загнать материал в метр (*ut quisque versum pedibus instruxit*). Контекст этой критики проясняется, если мы отметим, во-первых, явную связь с идеями «Поэтики» Аристотеля (1451a38–b5: если метризоввать, *εἰς μέτρα τεθῆναι*, «Историю» Геродота, все равно получится история: что было – это материал истории, материал поэзии – что могло бы быть; 1447b 16–20: метризованный медицинский или натурфилософский материал, вроде текстов Эмпедокла, не следует считать стихами), а во-вторых, обратимся к развитию положений критики Лукана у Сервия, из текста которого видно, что было промежуточным звеном между Аристотелем и Петронием (ср. In Aen. 1.382 и 1.235). Это модификация теории Аристотеля, происходящая, видимо, из перипатети-

---

¹ Ср. также Mart. Epigr. 14.194, Iord. Get. 5.43, Isid. Etym. 8.7.10 (ср. Lact. Inst. 1.11.25), Com. Bern. in Luc. 1.1.

ческой школы² и удобно изложенная, напр., в Cic. De inv. 1.27³: истории, которая все так же занимается «тем, что было», противопоставляются *fabula/μῦθος*, «чего не было и быть *не могло*» – Цицерон приводит в качестве примера строку Пакувия (397 Ribbeck) *angues ingentes alites iuncti iugo* «огромные крылатые змеи, запряженные в ярмо», – и *argumentum/πλάσμα*, «чего не было, но быть *могло*», материал комедий и мима⁴. *Fabula* –

² Rostagni 1922: 118–124 считает ее создателем Феофраста. Против выступает Waszink 1981. В любом случае это явно модификация теории Аристотеля (определение «истории» остается тем же, определение поэзии фактически изменяется на противоположное – у Аристотеля поэзия занимается «возможным», здесь – «невозможным»). Lazzarini 1984: 119, п. 5 считает, что кроме перипатетиков в формировании этой теории поучаствовали стоики, поскольку с ними связан «век филологии». След влияния стоицизма на эту концепцию Лаццарини также видит в оппозиции естественного и противоестественного (Lazzarini 1984: 122, п. 10). Если верно говорить о перипатетической школе как источнике этой теории, то, возможно, следует говорить о каком-то направлении, противостоящем внутри школы реконструируемому по «Науке поэзии» учению Неоптолема Паросского, поскольку Гораций в Ars 180–188 развивает противоположную мысль Аристотеля, что невероятное не стоит изображать в драме (ср. Brink 1963: 114).

³ Самым ранним пропонентом этой теории считают Асклепиада Мирлайского (II–I в. до н. э.) apud Sext. Emp. Math. 1.252, хотя в этом месте терминология другая, а триада *μῦθος–πλάσμα–ἱστορία* у Секста Эмпиреика появляется в другом месте. Math. 1.263 (см. Bietenholz 1994: 60–61, Wiseman 1993: 129). Ср. также Rhet. ad Her. 1.13, Quint. Inst. 2.4.2, [Hermog.] Progymn. 2.11–15 Rabe, Mar. Vict. In Rhet. Cic. 202.32–4 Halm, Mart. Cap. 5.550, Nicol. Progymn. 12.17–13.13 Felten, Isid. Etym. 1.44.5, Schol. in Dion. Thr. 449.11–4 Hilgard.

⁴ Возможны несколько возражений на нашу реконструкцию. Первое – что литературно-теоретические взгляды, излагаемые Сервием в разных местах, не обязательно образуют единую систему. Это вряд ли верно применительно к нашему случаю (см. Dietz 1995, Lazzarini 1984), но в любом случае Сервий не является необходимым основанием для реконструкции, он просто помогает сориентироваться. Достаточно было бы уже Петronия: представление о том, что поэтический текст может быть просто переложением фактов в стихи, плюс идея, что, просто совершая такую «метризацию», все равно не станешь поэтом, плюс мысль, что изложение фактов – дело историка, явно указывают на связь излагаемых Петронием взглядов с аристотелевскими. Однако представление о том, чем, собственно, поэзия должна отличаться, у Петрония совершенно не похоже на аристотелевское. Этот элемент указывает на то, что Петроний апеллирует к более поздней (условно говоря, феофрастовской) версии теории. Чтобы считать эти соответствия недостаточным аргументом (это второе возможное возражение), нужно исходить из посылки, что все три указанных элемента

подобающий материал для трагедии и эпоса, но иногда на это место в данной оппозиции подставляется и просто «поэзия» (тот же Петроний вместе с прочими критиками Лукана, или зависимое от феофрастовского определения эпоса из Diom. GLK 1.484.1–2 стоическое определение поэзии из Diog. Laert. 7.60). Получается, у комедии какой-то промежуточный статус между поэзией и не-поэзией. Это заставляет вспомнить о нашем пассаже из Горация, тем более что такое соотнесение объясняет происхождение на самом деле совсем неочевидных разделяемых Горацием представлений, что (а) можно «загнать в стихи» что угодно и (б) можно писать стихами, и все равно не быть поэтом.

С Горацием эту теорию, насколько нам известно, не связывали, видимо, потому, что у него все-таки речь идет больше о стиле, а стандартные формулировки оппозиции *historia–fabula–argumentum* говорят исключительно о содержании. Однако, во-первых, у Горация о содержании речь на самом деле тоже идет. «Ни пылкого духа, ни моцти» в комедии нет «ни в словах, ни в содержании» (1.4.47: *nec verbis nec rebus inest*). Гораций приводит развернутый пример комедийного сюжета (1.4.48–52) и говорит, что «Помпоний услышал бы такую же брань, будь его отец жив». Однако пересказывает он не брань, а именно сюжет, причем почему-то сюжет новой комедии, хотя вообще Гораций вводит сатирику к древней комедии, высмеивавшей реальных личностей, называя по именам⁵. В то же время в изложениях оппозиции *historia–fabula–argumentum* примерами всегда служат именно сюжеты новой комедии (или зависимой от нее римской паллиаты), да и определение *argumentum*, собственно, подразумевает именно новую комедию. Во-вторых, у Петрония тоже речь идет не только о содержании; весь его пассаж построен на том образе, что поэт должен быть боговдохновенным прорицателем (*per ambages deorumque ministeria et †fabulosum sententiarum tormentum† praecipitandus est liber spiritus, ut potius furentis animi vaticinatio appareat*), и уже отсюда следует каким-то образом не только возвышенный и эмоциональный стиль, но и наличие сверхъестественного божественного аппарата (здесь,

---

(как и установление связи между ними) являются естественными и не нуждаются в литературно-теоретическом источнике. Мы полагаем, что это не так.

⁵ Hunter 1985: 489 объясняет это противоречие через связь с той идеей, что, если Луцилий больше похож на древнюю комедию, то Гораций скорее на новую. Эта тема, видимо, действительно присутствует в сатире, но объяснить наше место через нее не удается, ведь пример из новой комедии сопоставляется в том числе и напрямую с Луцилием (1.4.57).

судя по параллельному месту у Сервия, и «оплошал» Лукан). Видимо, «божественный» стиль и «божественное» содержание (= *fabula* = про богов) воспринимаются Горацием и Петронием как нечто единое и связанное с божественным вдохновением самого поэта (ср. Hor. Sat. 1.4.43 *cui mens divinior*). Тогда пример из Энния может быть приведен не только как образец высокого стиля, но и потому, что в нем фигурирует персонифицированный «Раздор». В остатках литературно-теоретических текстов греческих перипатетиков мы, в общем-то, тоже находим следы схожей установки на «божественность» (или «героичность») одновременно содержания и формы высокой поэзии: о содержании ср. феофрастовское определение эпоса, цитируемое в Diom. GLK 1.484.1–2: ἔπος ἐστίν περιοχὴ θείων τε καὶ ἥρωικῶν καὶ ἀνθροπίνων πράγματων «Эпос – это то, что включает в себя дела божественные, героические и человеческие», а о связи содержания и формы – два фрагмента перипатетика Аристоменида, Philod. Poem. 1.160.15–18 Janko: Аристоменид не рекомендует поэтам писать нечто, [сущн]θείαν (*suppl. Janko*) τιν[α] (*suppl. Nardelli*) [ко]ινοτέ[ραν] (*suppl. Janko*) ἢ πρέπον θεοῖς καὶ π[αι]σὶν (*suppl. Janko*: ἢ[ρω]σιν *coni. Gomperz*) θεῶν περιέχο[ν] (*supplevi*⁶: περιέχει[ν] *coni. Janko*: περιεχό[με]νον *suppl. Gomperz*) «включающее в себя какое-то более обыденное словоупотребление (? если верна реконструкция Р. Дженко. – М. Ш.), чем подобает богам и детям богов», – и Philod. Poem. 1.170.16–19 Janko: Аристоменид утверждает, что для поэзии нужно τὸ δῆλούμενον (*suppl. Hausrath*) πρᾶγμα, [ώς] (*Hausrath*: καὶ *Gomperz*) ἥρωσι κα[ὶ] (*suppl. Hausrath*) βασιλε[ῦσι] (*suppl. Hausrath*) πρεπάδεστερον «представление содержания, как можно более подобающего героям и царям»⁷.

⁶ Смысл нашей поправки таков: поскольку синтаксис фразы все равно до конца не понятен, а причастия от περιέχω иногда употребляются в феофрастовских определениях жанров в одном ряду с существительным περιοχῇ (ср. Diom. GLK 1.491.15–16: μῆδος ἐστὶν μίμησις βίου τά τε συγκεχωρημένα καὶ ἀσυγχώρητα περιέχων. – и перифразу цитировавшегося выше феофрастовского определения эпоса в Diog. Laert. 7.60: ποίησις δέ ἐστι σημαντικὸν ποίημα μίμησιν περιέχον θείων καὶ ἀνθρωπείων), то исправлять вслед за Дженко читающийся на папирусе омикрон скорее нет достаточных оснований.

⁷ О взглядах Аристоменида в целом (в т. ч. и о перипатетических чертах его идей) см. Janko 2000: 143–154. Другие высказывания Аристоменида также создают недвусмысленное впечатление, что его интересовала наряду с содержанием и поэтичность стиля, а кроме того, похоже, что он связывал «божественность» содержания и формы с божественным вдохновением поэта.

Что же касается параллели в Cic. Or. 67, то она на самом деле не единственная. Ср. также [Dem.] Eloc. 181: такое же наслаждение, что и поэты, доставляют перипатетики, Платон, Ксенофонт, Геродот и Демосфен; Dion. Hal. Comp. 25–26 сопоставляет с поэзией Платона и Демосфена; в Philod. Poem. 1.199.2–25 Гераклеодор утверждает, что произведения Демосфена, Ксенофонта и Геродота – поэмы, и ссылается на то, что некоторые называют поэмами прозаические мимы Софрана – мим, напомним, относится в рассматриваемой нами теории к той же промежуточной группе, что и комедия⁸. Что в поэты записывается в некоторых случаях именно Геродот, явно показывает, что эти пассажи – отражения какой-то более радикальной критики той же самой теории Аристотеля/перипатетиков⁹. Видимо, эта ветвь дискуссии сосредоточилась только на одной стороне требования о «божественности» поэзии, стилистической.

Итак, «настоящая поэзия» подразумевает «божественное»/«мифическое» содержание и «божественную» форму, а «ненастоящая поэзия» – это просто «взять то, что правда было» («история») / «то, что правда бывает» («комедия») и бесхитростно метризовать. Гораций, конечно, введет свои оговорки по поводу «бесхитростно», но все равно исходное определение сатиры у него основано именно на этой модели. Возможно, соотнеся условный сюжет новой комедии с конкретным Помпонием (1.4.52–53), Гораций даже имеет в виду, что комедия – это, как история, «о бывшем» (и, таким образом, уютное место «полупоэзии», зарезервированное для новой комедии, оказывается размытым и она как бы смешивается с комедией древней).

Получается, в античной литературной критике была своя (и явно недооцененная) теория «реализма», и сатира определяет себя как жанр, в основе которого и лежит этот «реализм». «Метризуется» в данном случае как будто бы сама реальность. Другие сатирики тоже постоянно откращиваются от мифологической поэзии (пролог и 1 сатира Персия, 1 сатира Ювенала), и Луцилий при этом, возможно, даже использовал тот же пример, что и Цицерон, 587 Marx: nisi portenta anguisque volucris ac pinnatos scribitis «коли вы пишете не о чудесах и о летучих

---

⁸ В этих примерах, таким образом, трижды появляется Демосфен и ни разу не появляется упомянутый Цицероном Демокрит. В старых изданиях Цицерона имя Демокрита иногда исправляли в этом месте на имя Демосфена, возможно, это не лишено смысла.

⁹ Гераклеодор вообще противник разделения жанров и явный антиперипатетик, см. Janko 2000: 155–165, Gutzwiller 2010: 348–349.

пернатых змеях»¹⁰. Это фрагмент из 26 книги Луцилия, которая считается хронологически самой первой: возможно, у Луцилия, как и у Персия с Ювеналом, в самом начале первого сборника сатир помещалось утверждение, что он не будет писать мифологическую поэзию, и даже сама перипатетическая триада, подразумеваемая Горацием, могла упоминаться уже там (Луцилий совсем не стеснялся излагать в своей поэзии всяческую эллинистическую литературную теорию)¹¹. В итоге сатира – это «просто реальность, только плюс размер»; так ее и обозначает периодически Гораций (*Hog. Sat. 1.10.59–60 pedibus quid claudere senis, / hoc tantum contentus, 2.1.28 me pedibus delectat claudere verba*). Может быть, с этой идеей связан еще периодически появляющийся в сатире мотив «слова, которое не влезает в размер» (*Lucil. 228–229 Marx, Hog. Sat. 1.5.87–88*)¹².

¹⁰ Charpin 1979: 270, действительно, связывает этот фрагмент с критикой мифологической поэзии и конкретно с Пакувием.

¹¹ Leo 1889 возводит к Луцилию и горацианскую идею, согласно которой сатира – это вариация на тему древней комедии. Если он прав, то получается некоторое противоречие с нашей гипотезой (тогда сатира возводится то к древней, то к новой комедии уже у Луцилия). Но, во всяком случае, указание, что Луцилий отождествлял жанр сатиры с новой комедией, находят еще в одном фрагменте самого Луцилия, 1029 Marx (из 30 книги): *sicuti te, qui ea quae speciem vitae esse putamus* «как тебя, который то, что мы считаем отражением жизни...» (ср. Marx 1882: 43). Ср. также Auhagen 2001.

¹² Как кажется, та же самая схема *fabula-historia-(argumentum)*, дожив до поздней античности (напр., у того же Сервия), повлияла и на христианскую герменевтическую терминологию, в которой слово *historia* стало обозначать буквальный смысл Писания. Ср. у христианских поэтов идею, что поэзия про истину, противопоставленная лживой поэзии язычников, – это «история», т. е. на самом деле не поэзия: *historica narrabo fide sine fraude poetae «расскажу с исторической достоверностью без лжи поэта»* (Paul. Nol. Carm. 20.29), *versibus ergo canam quos Lucas rettulit Actus, / historiamque sequens carmina vera loquar «поэтому я напишу стихами те Деяния, которые изложил Лука, и, следуя за историей, напишу правдивую поэму»* (читай «хотя и поэму, но правдивую». – М. Ш.) (*Arator Epist. ad Vigil. 19–20*). Отметим, что здесь тоже появляется идея «метризации» истины, которой в данном случае является библейский текст (ср. название поэмы Клавдия Мария Виктория (или Виктора) на сюжет книги Бытия – *Alethia*). Получается, у христианских писателей сохраняется что-то вроде идеи «реализма» римских сатириков, но только парадоксальным образом самой «реалистичной» поэзией оказываются поэтические переложения Священного Писания. См. Evenepoel 1993.

Литература

- Auhagen 2001 – Auhagen U. Lucilius und die Komödie // Der Satiriker Lucilius und seine Zeit / Hgb. von G. Manuwald. München. S. 9–23.
- Bietenholz 1994 – Bietenholz P. G. Historia and Fabula: Myths and Legends in Historical Thought from Antiquity to the Modern Age. Leiden; New York; Köln.
- Brink 1963 – Brink C. O. Horace on Poetry. Cambridge.
- Charpin 1979 – Lucilius. Satires / Texte étab. par F. Charpin. Paris. T. II
- Dietz 1995 – Dietz D. B. Historia in the Commentary of Servius // TAPhA. Vol. 125. P. 61–97.
- Evenepoel 1993 – Evenepoel W. The Place of Poetry in Latin Christianity // Early Christian Poetry / Ed. by J. den Boeft and A. Hilhorst. Leiden. P. 35–60.
- Gutzwiller 2010 – Gutzwiller K. J. Literary Criticism // A Companion to Hellenistic Literature / Ed. by J. J. Clauss and M. Cuypers. Malden. P. 337–365.
- Hunter 1985 – Hunter R. L. Horace on Friendship and Free Speech // Hermes. Bd. 113. S. 480–490.
- Janko 2000 – Philodemus. On poems. Book one / Ed. by R. Janko. Oxford.
- Lazzarini 1984 – Lazzarini C. Historia/fabula: forme della costruzione poetica virgiliana nel commento di Servio all'Eneide // MD. Vol. 12. P. 117–144.
- Leo 1889 – Leo F. Varro und die Satire // Hermes. Bd. 24. S. 67–84.
- Marx 1882 – Marx F. Studia Luciliana. Bonnae.
- Rostagni 1922 – Rostagni A. Aristotele e aristotelismo nella storia dell'estetica antica // SIFC. Vol. II. P. 1–147.
- Waszink 1981 – Waszink J. H. Il concetto del μῆθος nella teoria poetica da Aristotele a Orazio // Letterature comparate; Problemi e metodo: Studi in onore di Ettore Paratore. Vol. I. Bologna. P. 193–203.
- Wiseman 1993 – Wiseman T. P. Lying Historians: Seven Types of Mendacity // Lies and Fiction in the Ancient World / Ed. by C. Gill and T. P. Wiseman. Exeter. P. 122–146.

Summary

M. V. Shumilin. Roman Satire and the Idea of «Putting Content into Verse» in Greek and Roman Literary Theory.

Horace's idea in *Sat.* 1.4.39–62 that comedy and satire do not belong to poetry stems (as well as the widespread accusations against Lucan that he was not a poet but an historian) comes from the Hellenistic (possibly Peripatetic) theory underlying the opposition *fabula–historia–argumentum*. According to this theory, the genre of comedy occupies some ambiguous place between poetry and non-poetry, while *historia* is by all means, as in Aristotle, pure non-poetry. The distinctions between elevated content and style seems to have been blurred in this doctrine: Horace, Petronius in his criticism of Lucan and the Peripatetic Aristomenides all appear to connect divine inspiration, “divine” style and “divine” content (which also means “about gods and semi-gods”) as signs of “true poetry”. In accordance with this theory, Roman satirists (possibly starting with Lucilius) think their activity to be “mere putting into verse” of reality as it is.